ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

263-Н
Проверка

№ 4

ЛЕНИНГРАД
1947

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

№ 4

АПРЕЛЬ 1947

Отв. редактор проф. А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Редакционная коллегия: акад. Л. С. Берг, проф. Л. Л. Васильев, з. д. н. проф. А. В. Венедиктов, проф. Л. Э. Гуревич, чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Догель, чл.-корр. АН СССР проф. В. М. Жирмунский, проф. С. В. Калесник, акад. И. Ю. Крачковский, проф. С. С. Кузнецов, проф. А. И. Молок, акад. В. И. Смирнов, проф. Б. А. Чагин (зам. отв. редактора), проф. В. В. Шаронов, проф. С. А. Щукарев

Лен. Гос. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
ИСТФАКА
УНИВЕРСИТЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД
1947

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стр.

Акад. *В. А. Фок.* Новые методы в теории диффракции 5

Доц. *В. П. Шведов.* Радиоактивные индикаторы и их применение в аналитической химии 12

Канд. биол. наук *А. С. Мальчевский.* Роль птиц в полезащитных полосах Заволжья 28

Проф. *П. О. Макаров.* Диапазонометрия в физиологии, психофизиологии и клинике 40

Доц. *Н. Н. Дзенс-Литовская.* Исследования обмена минеральных веществ в системе почва - растительная ассоциация в Савальской лесостепи. 63

Проф. *Л. И. Дембо.* Проблема кодификации Советского права 74

Проф. *С. И. Ковалев.* Две проблемы Римской истории 86

Чл.-корр. А. Н. СССР *В. М. Жирмунский.* К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада . . . 100

Проф. *А. П. Маркузе.* Неогегельянство и немецкий фашизм 120

Авторефераты

Л. В. Латманизова. Закономерности Введенского в электрической активности возбудимых единиц (докторская диссертация) 135

И. А. Коробков. Стратиграфия и фауна моллюсков верхнего эоцена Украины и Кавказа (докторская диссертация) 139

Н. А. Казакова. Сношения Новгорода с Ливонией и Ганзой в конце XIV и в первой половине XV в. (кандидатская диссертация) 147

Из истории Ленинградского университета

В. Р. Лейкина-Свирская. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо 151

CONTENTS

Articles

Page

Member of the Academy of Sciences *V. A. Fock.* New Methods in the Diffraction Theory 5

Docent *V. P. Shvedov.* Radioactive Indicators and their Application in Analytical Chemistry 12

Cand. of Biol. Sci. *A. S. Malchevsky.* The Role of Birds in the Feld-Protecting Forests beyond the Volga . . . 28

Prof. *P. O. Makarov.* Diapasonometry in Physiology, Psychophysiology and the Clinic 40

Docent *N. N. Dzens-Litovskaya.* Investigation of Mineral Substance Exchange in the System of the Soil—Vegetative Association in the Savalsky Forest-Steppe 63

Prof. *L. I. Dembo.* The Problem of Soviet Law Codification 74

Prof. *S. I. Kovalev.* Two Problems in Roman History 86

Corresp. Member of the Academy of Sciences of the USSR *V. M. Jirmunsky.* On the Problem Concerning the Literary Relations between East and West 100

Prof. *A. P. Markuze.* The Neo-Hegelian Philosophy and German Fascism . . 120

Authors' Summaries

L. V. Latmanizova. Vvedensky's Principles Governing Electric Activity of Excitable Units (a doctor's thesis) . . 135

J. A. Korobkov. The stratigraphy and Fauna of the Upper Eocene Molluscs of the Ukraine and the Caucasus (a doctor's thesis) 139

N. A. Kasakova. Intercourse between Novgorod and Livonia and Hansa Late in the XIV and in the Early Part of the XV Centuries (a candidate's thesis) 147

From the History of the Leningrad University

V. R. Leikina-Svirskaya. From the history of the Struggle of the St. Petersburg University with Kasso's Ministry . . . 151

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. Р. Лейкина-Свирская

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С МИНИСТЕРСТВОМ КАССО

Весенний семестр 1911 г. начался в напряженной политической обстановке. Студенческие забастовки конца 1910 г. были одним из симптомов „поворота в настроении демократических масс", „проявления нарастающего революционного настроения масс против режима 3 июня" (Ленин, Соч., т. XV, стр. 533, 534). Поводом к новой забастовке был нажим Кассо—тогда только управляющего Министерством народного просвещения—на советы профессоров с требованием усиленных мер борьбы со студенческими „беспорядками" и издание известного постановления Совета министров от 11 января 1911 г. Это постановление являлось уже формальной ломкой университетской автономии, „временно" запрещая всякие публичные и частные собрания в стенах высших учебных заведений и тем самым отдавая университеты во власть полиции, что не замедлило подтвердиться на практике.

В понедельник 24 января, в день начала занятий, в коридоре Петербургского университета оказалось вывешенным воззвание Общегородского коалиционного комитета (представительного органа студенчества всех высших учебных заведений Петербурга), призывавшее студентов начать забастовку ультимативного характера—на весь семестр с целью добиться удовлетворения „минимальных требований студенчества", которые здесь же и перечислялись. Призыв к забастовке подкреплялся также воззваниями от революционных групп и отдельных кружков. Обращение коалиционного комитета было одновременно распространено и в других петербургских институтах и на женских курсах. Последовали попытки срыва занятий, с большим или меньшим успехом охватившие почти все высшие учебные заведения города (Горный институт, Электротехнический институт, Женский медицинский институт и др.). Студенты университета играли в этой борьбе руководящую роль. В первые же дни занятия в университете фактически прекратились; здание было окружено полицией, контролировавшей входы.

Одновременно происходили известные события в Московском университете, где уже с 27 января стала хозяйничать полиция, под командой помощника градоначальника, занявшая здания, ловившая и переписывавшая студентов как участников запрещенной сходки. Грубое уничтожение университетской автономии вынудило выборную администрацию университета подать прошение об отставке, что и было санкционировано Советом профессоров 28 января.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Волнения перебросились также в университеты Харькова, Варшавы, Киевский политехникум и др. Уже с 25 января последовали аресты и увольнения студентов, к середине февраля принявшие характер массовой репрессии.

Ректор Петербургского университета, проф. Д. Д. Гримм, после безуспешных попыток администрации прекратить забастовку мерами увещания, закрыл университет на 2 дня—28 и 29 января. Немедленно Кассо издал циркуляр о том, что начальники высших учебных заведений не имеют права прекращать занятия собственной властью, без разрешения министра.

На следующий день, 31 января, в 7 часов утра внутрь университетского здания был введен отряд полиции под руководством полицеймейстера Галле. „Присутствие большого количества полицейских со штыками и винтовками вдоль длинных коридоров университета, профессора с группой студентов, конвоируемые вооруженными городовыми на лекции, городовые с ружьями, охраняющие аудитории, где читались лекции, свист, крики и пение революционных песен, пары удушливого газа, распространяющиеся в коридорах и аудиториях,[1] — все это представляет такую картину, какой еще стены Петербургского университета не видели“ (Русск. вед., № 25, 1 февр. 1911 г.).

В таких условиях все же пытались читать лекции М. И. Туган-Барановский, Э. Д. Гримм, И. А. Покровский, М. Я. Пергамент, освистанный в коридоре толпой студентов, просивших его не читать, и другие. Проф. Н. Я. Марр — не мог докончить лекции и с ним сделался истерический припадок в профессорской комнате.

К вечеру этого дня было арестовано, по словам газеты, уже 410 студентов.

Ректор Д. Д. Гримм и проректор И. Д. Андреев заявили Совету профессоров о своей отставке.

1 февраля Совет Петербургского университета решил послать к Кассо делегацию с ходатайством о немедленном выводе полиции из всех университетских зданий. В делегацию вошли проф. А. И. Введенский, Э. Д. Гримм и акад. А. А. Шахматов. На предшествовавших этому частных совещаниях профессоров вопрос ставился шире: о необходимости выступления в связи с уходом в отставку администрации Московского университета. В архиве А. А. Шахматова сохранилось его письмо к И. А. Покровскому, где он доказывает необходимость провести через Совет ходатайство об отмене правил 11 января и о возвращении ректору власти во всей ее полноте. Свою инициативу Шахматов оправдывает остротой момента, когда, „быть может, мы накануне таких решений, как выход в отставку“ (Архив Акад. Наук СССР, фонд 134, оп. 1, № 252, черновик без даты).

Однако попытка Шахматова поставить вопрос об отмене правил 11 января не имела успеха. К этому времени стал известен взгляд Столыпина на отставку ректора и проректора Московского и Петербургского университетов как на политическую демонстрацию: 1 февраля не только была принята отставка ректора проф. А. А. Мануйлова, помощника ректора засл. проф. М. А. Мензбира и проректора проф. П. А. Минакова с их выборных постов, но они были сняты с профессорских должностей без прошения, „с причислением к Министерству просвещения“.

[1] Одним из средств для срыва лекций была широко распространившаяся в это время „химическая обструкция“ — разбивание в аудиториях склянок с легко испаряющимися жидкостями едкого запаха.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Делегация Петербургского университета была принята Кассо и он обещал, что с 3 февраля полиция будет удалена. Вследствие этого, по просьбе Совета, Гримм и Андреев согласились не давать хода своим прошениям об отставке и остаться на своих местах.

Однако 3 февраля, после попытки химической обструкции в аудитории Восточного факультета, полиция вновь ворвалась в аудитории и арестовала свыше 20 студентов. Это вызвало новый взрыв возбуждения студентов и новые попытки химической обструкции. В 2 часа дня полиция опять разместилась по всем коридорам и аудиториям и в курительной комнате. В результате положение в следующие дни оставалось без перемен: бо́льшая часть курсов не читалась, некоторые лекции продолжались при минимальном количестве слушателей; студенты призывали профессоров не читать лекций, изо дня в день устраивались химические обструкции. В университетском коридоре профессора И. М. Гревс, И. Д. Андреев, М. И. Ростовцев и другие убеждали студентов отказаться от забастовки. Но каждое вмешательство полицейских вызывало новые эксцессы.

„Сегодня я сделал попытку читать лекцию,—писал А. А. Шахматов декану Историко-филологического факультета Э. Д. Гримму.— В коридоре оказались пристава и городовые. В аудитории сидел один студент. Может быть подошло бы еще 2—3, если бы я занял кафедру и начал чтение. Но читать при таких условиях я не в силах". И он заявлял, что прекращает хождение в университет и не берет вознаграждения за чтение лекций, „пока хозяином в университете не окажется совет и ректор" (Архив Акад. Наук СССР, фонд 134, оп. 1, № 252, без даты).

Между тем, внимание всей русской общественности было приковано к дальнейшему развитию событий в Московском университете. Было совершенно ясно, что удар правительства направлен против либеральной профессуры в целом, против всякой оппозиции, как таковой. 2 февраля Совет университета подтвердил свою солидарность со своими выборными представителями, предупреждая Кассо, что их незаслуженное увольнение „по своим последствиям далеко выходит за пределы своего прямого назначения" и не может иметь оправдания в студенческих беспорядках.

„Ряд профессоров Московского университета смотрит на эту меру как на вынуждение их подать в отставку, ибо удаление из университета людей, правильно исполнявших возложенные Советом на них обязанности, переносит, по их мнению, все дело на почву личного достоинства"...„Этой мерой наносится самый тяжелый удар старейшему рассаднику просвещения нашей родины, одному из крупнейших европейских центров научной мысли и знания" (Русск. вед., № 27, 4 февр. 1911 г.).

На следующий же день подали в отставку первые 8 профессоров (в том числе В. И. Вернадский, Н. А. Умов, С. А. Чаплыгин, Д. М. Петрушевский, И. П. Алексинский, Г. Ф. Шершеневич) и 20 приват-доцентов (в числе их — Ф. Ф. Кокошкин, А. А. Кизеветтер, Б. М. Сыромятников, П. Н. Сакулин и др.). Вслед за первыми заявлениями посыпались новые и новые. Количество их росло с каждым днем.

Это выступление протеста, принявшего сразу же характер заразительного увлекающего примера, поддерживаемого общим сочувствием, чрезвычайно интересно. Состав профессуры являлся ярким представительством русской либеральной буржуазии, не только не сочувствовавшей студенческому движению, но боровшейся с ним.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Сравнительно небольшая ее прослойка могла быть причислена к буржуазно-демократическому крылу интеллигенции во главе с такими деятелями, как Тимирязев. Тем не менее, профессура оказалась в массе способной на такой оппозиционный поступок, который ясно показывал перемену настроения, начало нового периода — демократического революционного подъема, „когда заметно крепнет в самых различных и в самых широких слоях сознание — или, если не сознание, то ощущение, что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы“ (Ленин, Соч., т. XV, стр. 282).

Важно отметить, что в самом ходе событий в профессорской среде был принципиально обсужден вопрос о целесообразности ухода в отставку как способа борьбы с наступлением реакционных сил. В связи с иллюзорными надеждами известной части профессуры на возможность добиться от Кассо возвращения уволенных (на что впоследствии был получен твердый отказ) и появились предложения „повременить“ с отставками. Вопрос этот, касавшийся тогда уже 16 профессоров, обсуждался в экстренном заседании Совета 7 февраля. Выяснились возражения против ухода с точки зрения интересов „спасения семестра“ и т. д. Покидавшие университет объясняли свое поведение мотивами личной чести, нравственного долга, невозможностью оставаться после незаслуженной кары над людьми, с которыми они вполне солидарны. Однако в изложении их мотивов ясно выражалось также и сознание исторической ответственности и общественно-политическая оценка своего поступка. „Поступая так, они не разрушают, а спасают университет. Не следует упускать из виду важности настоящего момента в истории наших университетов и русского просвещения и того морального значения, которое может иметь отношение профессоров к совершившемуся событию. Подавшие в отставку приносят тяжелую жертву не только материальную, но и духовную; они поступаются важнейшими своими духовными интересами, но они считают такую жертву обязательною с их стороны и в то же время видят в ней наиболее целесообразный акт для лучшего будущего русских университетов“ (Русск. вед. № 30, 8 февр. 1911 г.)

Действительно, бо́льшая часть уходивших из Московского университета принадлежала к Физико-математическому и Медицинскому факультетам и теряла не только материальное обеспечение, но и возможность научной работы, связанную с пользованием университетскими лабораториями, кабинетами, клиниками. Самоотверженное массовое выступление выдающихся представителей научной мысли в защиту достоинства русской высшей школы имело объективно революционное значение, разоблачая перед глазами широких масс дикое, наглое равнодушие „черносотенно-погромной монархии“ к интересам науки и просвещения.

Действительно, в ответ на увольнение и уход московских профессоров поднялась широкая волна общественного сочувствия: устраивались чествования уходящих, полился поток приветствий, адресов от студентов, от университетов других городов, от научных обществ — русских и заграничных, гласных Московской думы, земских врачей и т. п. В казначейство Московского университета вносится 18 тысяч на стипендии им. Мануйлова, Мензбира и Минакова. Петербургский университет выбирает Мануйлова своим членом. Газеты пропаган-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дировали научные заслуги Московского университета в прошлом и настоящем, указывая, что он дал стране 13 нынешних академиков, 11 почетных членов и членов-корреспондентов Академии Наук и т. д. Вольное экономическое общество протестовало против разрушения национального научного центра.

На 20 февраля Московский университет потерял 25 профессоров из общего количества 91, 74 приват-доцентов из 270, а всего, считая вместе с младшим научным персоналом, 108 человек.

В то же время глубокое общественное негодование вызывала расправа правительства со студентами, которые массами исключались из столичных и провинциальных университетов. Московские промышленники выступили с печатным протестом; представители московской буржуазии хлопотали об облегчении участи высылавшихся по этапу студентов.

В феврале—начале марта вопрос об университетских событиях несколько раз обсуждался с трибуны Государственной Думы. Страстные прения происходили в напряженной атмосфере; хоры были набиты публикой; депутатские места сплошь заполнены; в министерской ложе сидел Кассо и товарищи министра.

При видимом торжестве реакции, добившейся „очистки" Московского университета от передовой профессуры и нагло уверявшей устами Кассо, что научная ценность ушедших сомнительна, что эти потери легко можно возместить другими людьми, вопрос о смысле протеста, повлекшего за собой разрушение Московского университета, ставился поневоле самой жизнью. И на него современники находили ответ в вере в близкую победу над реакционной вакханалией.

23 февраля, в день горячих прений в Государственной Думе, появилась статья проф. В. И. Вернадского „Разгром"; он писал о покинувших университет профессорах, что силу поступить именно так давала им надежда на непродолжительность господства реакции, „ясная уверенность в неизбежном наступлении лучших времен". „Живая вера в силу и мощь русского народа делает невероятной продолжительность переживаемого нами его (университета.—*В. С.*) разгрома" (Русск. вед., № 43, 23 февр. 1911 г.).

Творческая мысль московских ученых уже искала возможности новой практической деятельности: в марте 1911 г. началась агитация за создание вольной русской академии; появились статьи Н. А. Умова, Д. Н. Анучина, учеников П. Н. Лебедева. Начался сбор средств, на которые впоследствии был построен Физический институт.

После ареста и увольнения из Петербургского университета 392 студентов, которых должны были выслать по этапу на родину, а уроженцев Петербурга—из столицы, Министерство народного просвещения приняло новые решительные меры для прекращения продолжавшейся студенческой забастовки.

22 февраля попечитель Петербургского учебного округа А. А. Мусин-Пушкин послал ректору циркуляр, где требовал установить надзор за посещаемостью занятий стипендиатами, под угрозой лишения их стипендии. Кассо ставил вопрос о незачете текущего полугодия студентам, если правильные занятия не будут возобновлены. Студентов стали поодиночке вызывать в Правление, предлагая немедленно приступить к занятиям.

Ведущую роль в Петербургском университете играла профессура Юридического факультета, во главе с ректором Э. Д. Гриммом. Сохранив свою корпорацию от разгрома подобного московскому,

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Совет держался осторожно, выполняя предписания министерства; он объявил студентам о возможности указанных репрессий.

В этой атмосфере одиноко прозвучал голос А. А. Шахматова в защиту студенчества. Шахматов был „младшим членом“ Совета университета.[1] Он тяготился положением выступающего „против течения“, но, обладая острым чувством моральной ответственности и привыкший в Академии Наук к большей независимости мнений, все-таки выступил. В своем заявлении Совету университета 28 февраля 1911 г. он указывал, что нормальных условий для занятий не создадут репрессивные меры, грозящие не приступающим к занятиям лишением тех или иных выгод, и предлагал Совету: 1) воздействовать на студенчество моральными средствами, для чего добиться возможности объявить студентам, что участь исключенных и сосланных их товарищей будет смягчена, как только студенчество приступит к занятиям, и 2) ходатайствовать об удалении полиции из университета, куда она могла бы являться только по воле ректора (Фонд. 134, оп. 1, № 252).

Заявление Шахматова рассматривалось комиссией, выделенной Советом университета (в составе председателя Д. Д. Гримма, Э. Д. Гримма, И. Д. Андреева, И. А. Покровского, М. Я. Пергамента, Фаворского, В. А. Жуковского, А. И. Введенского, В. В. Бартольда, В. Ф. Дерюжинского, В. Ф. Шимкевича). Предложение Шахматова об уводе полиции как условии нормального хода занятий было атаковано в штыки профессорами. Э. Д. Гримм прямо защищал практическую необходимость присутствия полиции, так как без нее он не может отвечать „ни за жизнь преподавателей и слушателей, ни за целость здания“. Его поддержали Покровский и Пергамент. Шахматов пытался поставить вопрос на принципиальную почву: если полиция находится в здании университета по распоряжению ректора,—„я буду признавать ее элементом успокоения и не встречу затруднений к тому, чтобы читать под ее охраной; но когда ее присылает участок, то для меня она является носителем беспорядка, элементом раздражения“. В интересах самоуправления он требовал настоять на ее уводе, хотя бы пришлось вновь ввести ее на следующий день. Тогда И. А. Покровский выступил с неопровержимым для этой среды аргументом политической осторожности, основанном на московском опыте; в уводе полиции может быть отказано, „и тогда ректор и профессура будут морально обязаны уйти в отставку, начнется развал университета. Так Вы этого хотите, Алексей Александрович?!“. Вопрос был снят, и Шахматова убедили взять заявление обратно и не вносить его на Совет.

Но хлопотать о пересмотре дел и смягчении участи исключенных и сосланных студентов комиссия охотно согласилась. Профессура чувствовала справедливость упреков студенчества за ее безучастие в этом деле. После заседания комиссии, записав подробно все там происходившее, Шахматов закончил эту запись горькими словами: „Признаюсь, что все-таки, несмотря на уступку по вопросу о студентах, меня сильно раздражило все это заседание. Неужели я не мог встретить хоть чьего-либо сочувствия и чьей-либо поддержки“ (Фонд 134, оп. 1, № 252).

Сломив сопротивление университетской молодежи, Кассо стал подбираться к руководящим силам Юридического факультета Петер-

[1] С 1908 г. он читал курсы по русскому языку в качестве приват-доцента, а 1 марта 1910 г. был избран сверхштатным профессором.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

бургского университета. Лойяльные и осторожные юристы не давали повода к каким-либо репрессиям; тем не менее, они являлись оппозицией, критически настроенной и стоящей на страже буржуазной законности, и не раз опротестовывали отдельные распоряжения министра.

Либерализм, несмотря на свою контрреволюционность, „именно потому, что он либерализм,—указывает Ленин,—неминуемо будет попадать в «конфликтное» положение с короной, с феодализмом, с нелиберальной буржуазией, отражая иногда косвенно своим поведением «левое» демократическое настроение в стране или начало подъема и т. п.“ (Ленин, Соч., т. XV, стр. 283).

Эта характеристика вполне освещает общественное значение приводимых далее фактов. Летом 1911 г. Кассо издал приказ о переводе М. Я. Пергамента из Петербургского в Юрьевский университет. Пергамент не захотел подчиниться и ушел в отставку.

Следующим объектом чистки явился И. А. Покровский, переведенный в августе 1912 г. в Харьковский университет. Этот перевод был уже воспринят как система мести и кары и вызвал большой шум. „Из газет узнал об истории с И. А. Покровским,—писал Шахматов из деревни Ф. Ф. Фортунатову.— Трудно перенести такой удар и конечно он поведет за собой новые сюрпризы, переводы и назначения. Очень бы мне не хотелось уходить из университета, но как ни раздумываю, вижу, что иначе нельзя, как уйти“.

Вторично в течение короткого отрезка времени перед русским общественным мнением был поставлен принципиальный вопрос о целесообразности ухода ученых со своих постов как формы протеста против реакции. Следует учесть, что в это время успели уже сказаться печальные результаты опустения Московского университета, пополненного реакционными и бездарными чиновниками от просвещения. Факт ухода московских ученых, прежде одобряемый и казавшийся правильным и необходимым ответом на насилие реакции, подвергся известной переоценке. Не приходилось уже рассчитывать на такой широкий массовый отклик, какой был в связи с московскими событиями. Соображения практической целесообразности для дела поддержки науки и просвещения выступили на первый план, оттеснив мотивы личной этики. Новая постановка этого вопроса в прогрессивной части профессуры очень хорошо отразилась в письме, написанном Ф. А. Брауном в ответ Шахматову, поделившемуся с ним своим решением уйти из университета. Позволяем себе привести выдержки из этого интересного письма (из Стокгольма 17/30 августа 1912 г.):

„Большинство товарищей, конечно, чувствует, как Вы. На меня известие произвело впечатление, словно меня обухом по голове ударили, и я долго не мог опомниться. Первое чувство было то же, что у Вас: надо уйти во что бы то ни стало. Действительно, не выносить же оскорбление за оскорблением, не смотреть же спокойно, как наше дело топчут в грязь. После увольнения Пергамента можно было надеяться, что шум, поднятый вокруг этой истории, отобьет у К. охоту на повторение. Но теперь эта надежда рухнула: перед нами несомненно ясно и сознательно проводимая система: политика мести; наказаний за строптивость нашего университета. Если мы будем отвечать только обедами в честь увольняемых и «словесностью», то К. может торжествовать: он нашел отличный способ отделаться от неудобных профессоров. Он ведь не увольняет; он хочет только справедливее распределить ученые силы между университетами (этот мотив

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Таубе[1] привел между проч. в разговоре с ректором), и, уж, конечно, не хочет отнимать столь выдающихся сил у русской науки, — боже сохрани! ведь он же понимает все значение науки для России. Но что же делать, коли они сами уходят. Он первый, конечно, жалеет о выходе в отставку Пергамента и Покровского. Если мы смолчим, то за этими товарищами последуют другие, быть может я, быть может Вы или кто другой, — Гревс, Э. Д. Гримм, Жижиленко; и в конце-концов университет примет тот вид, который К. желает ему придать: на кафедрах будут сидеть хамы — простите за выражение! — или, в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства. И медленная смерть университета, эта затяжная агония будет бесславна и жалка. Так не лучше ли теперь ответить открытым протестом, т. е. уйти, так как иначе ведь мы ответить не можем. Быть может, мы этим спасем университет, если нас соберется хоть сколько-нибудь внушительное количество; или, по крайней мере, мы спасем наше достоинство, нашу честь, не оставив без протеста эти надругательства".

Но затем Браун излагает соображения, которые привели его „к отчетливому убеждению, что нам уходить нельзя".

Браун протестует против желания Шахматова уйти как против „анархической", эгоистической точки зрения, потому что он (Шахматов) „лично" оставаться не может, потому что ему (Шахматову) „лично" слишком тяжело. Уход его приведет к тому, что за ним должна будет последовать группа человек в десять.

„Мы не может рисковать тем, что нам скажут: вот один из вас не выдержал; хватило мужества заявить протест открыто или молча, своим уходом. А вы — трусы и настолько озабочены своей судьбой, что только облизываетесь, когда вам плюют в глаза.

„Нет, Алексей Александрович, либо все мы, либо никто из нас. Оставаться на посту всем — это мы можем оправдать перед собственной совестью и, в конце-концов, перед совестью общественной. Уйди один из нас — наша позиция потеряна, и останется только — бежать" (Фонд 134, оп. 3, № 180).

Академик Ягич, возмущаясь политикой Кассо, также уговаривал Шахматова не покидать университета, исходя из соображений целесообразности „Единичные решения с личными жертвами не ведут к цели. Это доказал в свое время пример Московского университета. Если же лучшие уйдут, а останутся только die Mittelmässigkeiten, — из этого будет только вред для студентов. Поэтому будьте осторожны и снисходительны" (Письмо из Вены 4 сент. 1912 г.).

И. А. Покровский, так же как Пергамент, не подчинился Кассо и ушел в отставку. Совет университета приветствовал его поступок. В августе 1913 г. Кассо отделался и от ректора Э. Д. Гримма, переведя его в Харьковский университет. Гримм нашел другой выход: он не ушел в отставку, но остался жить в Петербурге, имея на это право как член Государственного Совета (по академической курии).

Нашей молодежи полезно знать эти забытые страницы борьбы русских ученых против реакции и политического произвола самодержавия. Через несколко лет русский народ доказал свою способность завоевать настоящую свободу и вместе с нею „настоящее, не-кассовское и не-дворянское народное просвещение" (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 416).

---

[1] Товарищ министра.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/